

³⁷ См., например, выступления секретарей обкомов на собрании партийного актива Челябинской областной промышленной парторганизации (Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГА ЧО), ф. 1470, оп. 2, д. 126, л. 27, 97, 99, 108).

³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 94, д. 807, л. 14.

³⁹ Там же, ф. 556, оп. 10, д. 381, л. 16.

⁴⁰ Там же, ф. 17, оп. 94, д. 1532, л. 12, 16.

⁴¹ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 224, л. 146–153.

⁴² Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 96.

⁴³ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 224, л. 146–153.

⁴⁴ Там же, л. 154.

⁴⁵ ГА ПО, ф. П-5892, оп. 1, д. 71, л. 52–54.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 219, л. 52, 53.

⁴⁷ ОГА ЧО, ф. 1470, оп. 2, д. 126, л. 26–27.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 94, д. 1532, л. 12.

⁴⁹ Там же, ф. 556, оп. 14, д. 219, л. 53.

⁵⁰ Там же, оп. 10, д. 338, л. 17–18.

⁵¹ См., например, сводку писем о проблемах укрупнения сельских районов, поступивших в редакцию газеты «Сельская жизнь» от 10 апреля 1963 г. (Там же, оп. 14, д. 219, л. 14–20).

⁵² Никита Хрущев. 1964... С. 377.

⁵³ Белозеров А.Н. Записки районного служащего. Омск, 2002. С. 97–99.

⁵⁴ Никита Хрущев. 1964... С. 375.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 245, л. 2–8.

⁵⁶ Н.С. Хрущев. 1964... С. 378.

⁵⁷ Там же. С. 247.

⁵⁸ Там же. С. 362–418.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 94, д. 807, л. 18.

⁶⁰ Там же, д. 782, л. 79–81; д. 807, л. 14.

⁶¹ Там же, ф. 556, оп. 10, д. 751, л. 138–141.

⁶² Там же, д. 640, л. 9–14.

⁶³ Там же, д. 1046, л. 8–12.

⁶⁴ В пламени жизни. Книга воспоминаний о Б.Е. Щербине. Тюмень, 1990. С. 70, 147.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 556, оп. 10, д. 596, л. 62–65, 73–79, 93–99. Подготовка этих атак началась заранее. Так, накануне конференции в ЦК КПСС поступило заявление, в котором ставился вопрос о неспособности Петухова руководить областью (Там же, оп. 14, д. 243, л. 171).

⁶⁶ Там же, оп. 10, д. 596, л. 23, 25.

⁶⁷ Сизов Л.Г. Все остается людям. Т. 2. Красноярск, 2000. С. 191.

© 2012 г. В. ДЁННИНГХАУС, А.И. САВИН*

ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ: ПУБЛИЧНОСТЬ ПРОТИВ САКРАЛЬНОСТИ ВЛАСТИ

В одной из «перестроечных» публикаций Р. Медведева утверждалось, что политическая смерть Леонида Ильича Брежнева наступила гораздо раньше его физической смерти. Нemoшь Брежнева-политика была в первую очередь обусловлена немощью Брежнева-человека¹. На первый взгляд трудно не согласиться со столь логичной

* Дённингхаус Виктор, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Германского исторического института в Москве.

Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН.

и очевидной конструкцией. Тем не менее в настоящей публикации мы попытаемся доказать, что отнюдь не болезнь и дряхлость стали причиной «политической смерти» Брежнева.

Для этого надо в первую очередь изменить «позитивистский» ракурс исследования и задействовать инструменты, давно и с успехом используемые исторической антропологией, обратившись к таким проблемам, как ритуалы и способы репрезентации власти, ее образы и сакральность².

В основу данного исследования положен уникальный исторический источник – дневники, а точнее рабочие записи Брежнева, которые он вел с 1957 г. до конца своих дней³. Важными дополнительными источниками послужили документы из Архива Президента Российской Федерации, опубликованные в 2006 г.⁴, дневниковые записи сотрудника международного отдела ЦК КПСС А.С. Черняева⁵, а также обширная мемуарная литература.

На разных этапах 74-летнего существования Советского государства ритуализации подвергались различные сферы и проявления общественно-политической жизни – от празднования памятных революционных событий до выборов и показательных судебных процессов над «врагами народа»⁶. Как известно, главными функциями ритуала являются стереотипизация поведения его участников и охрана их от ошибок. Следование ритуалу исключает «неясные» ситуации, дает возможность его участникам «сохранить лицо», не проявлять инициативу, только следуя неписанным законам. В итоге вырабатываются единообразные правила поведения, общие память и картина мира.

Специалисты отмечают, что в самой системе обрядов любой культурной традиции условно можно выделить «главный» ритуал. Например, в традиционном обществе – это календарный обряд, который совершается на стыке старого и нового года и «разыгрывает» основной прецедент – творение мира. При этом ритуал актуализирует структуру бытия, придавая ей в целом и ее отдельным частям подчеркнутую символичность, и служит гарантией безопасности и процветания коллектива. Другие ритуалы в таком случае – трансформации основного ритуала⁷. Главной публичной формой репрезентации советской власти являлись государственные праздники, среди которых первое место, несомненно, отводилось празднованию победы Великой Октябрьской социалистической революции, знаменовавшей собой построение нового мира, свободного от капиталистической эксплуатации⁸. Видимо, начиная с брежневской эпохи, это первенство постепенно переходило к празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне, окончательно утвердившись за ним уже в современной России.

Как считает М. Рольф, «официальные праздники охватывали в 1960–1970-е годы гораздо более широкие круги общества, чем это было в 1930-е годы»⁹. Несомненно, в этом была большая заслуга Брежнева. Именно при нем сформировался «канонический набор» советских государственных праздников: Новый год, 8 марта – Международный женский день, 1 мая – День международной солидарности трудящихся, 9 мая – День Победы, 7 ноября – годовщина Великой Октябрьской социалистической революции и 5 декабря (затем – 7 октября) – День Конституции СССР. Причем два праздника стали нерабочими днями при непосредственном содействии Брежнева: 9 мая с 1948 г. был будним днем и только в 1965 г., в ознаменование 20-летия Победы, объявлен выходным; 8 мая того же года указом Президиума Верховного Совета СССР праздничным нерабочим днем объявили и 8 марта. Леонид Ильич лично поддержал инициативу сотрудника отдела печати МИДа В.А. Александрова, не смутившись заявлениями о потенциальных потерях экономики¹⁰.

В то же время Брежнев обычно держался тактики «золотой середины», сознательно отказываясь от чрезмерных, с его точки зрения, новаций. Так, осенью 1972 г. он «положил под сукно» пространную записку своего многолетнего ближайшего помощника В.А. Голикова, в которой предлагалось к 50-летию СССР учредить «праздник образования СССР»¹¹. Генеральный секретарь ЦК КПСС с подозрением относился к непривычным праздничным мероприятиям, которые могли таить в себе различные опасности. В конце декабря 1975 г. он склонялся к тому, чтобы отказаться от проведения

Олимпиады в СССР, указывая, что «кроме колоссальных расходов, в этом деле есть и такой вопрос, что из опыта проведения подобных олимпиад в прошлом могут быть разного рода скандалы, которые могут очернить СССР... А в отношении Советского Союза думаю, что наши враги постараются»¹². Подобную осторожность Брежнев проявлял и при решении вопроса о гимне Советского Союза¹³, который особо остро встал в преддверии принятия новой Конституции СССР в 1977 г. До этого гимн на музыку композитора А.В. Александрова исполнялся без слов, поскольку в них имелся, по выражению М.А. Сулова, «налет культа личности Сталина». 19 мая 1977 г. с непосредственной подачи Брежнева Политбюро ЦК КПСС приняло решение сохранить старую музыку гимна, сопроводив ее все теми же словами С.В. Михалкова и Г.А. Эль-Регистана¹⁴, немного измененными самим же Михалковым¹⁵.

То, что Брежнев с большой ответственностью относился к устройству праздников и своей роли в них, отражают страницы его рабочего дневника. Многочисленные, регулярно встречающиеся пометки и рассуждения Леонида Ильича показывают, какое значение имели для него проведение и подготовка праздников. Так, 19 октября 1964 г. сразу после освобождения Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС, Брежнев подробно расписывает порядок проведения торжественной встречи космонавтов¹⁶ на Красной площади: *«Ильичеву – Андропову, Пономареву, Громыко – [подготовить] выступл[ения] [на] митинге... Еще раз оговорить порядок встречи космонавтов, кому докладывать... На мит[инге] выступ[ает] Б[режнев] – на приеме К[осыгин]... Провести 40–50 минут[ную] демонстр[ацию] – зачем нам умять это великое дело. Хорошо организовать[!] 2 часа – начало митинга – тыс. 40 мит[ингующих] и 40 т[ыс]. демонстрантов»*¹⁷.

Несмотря на провозглашение на Октябрьском пленуме 1964 г. принципа коллегиальности управления, Брежнев фактически с момента прихода к власти весьма ревниво относился к своей роли главного участника подобных церемоний. По свидетельству занимавшего тогда пост председателя ВЦСПС В.В. Гришина, обострение отношений между Первым секретарем ЦК КПСС Брежневым и председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным стало явным уже в мае 1965 г., при подготовке проведения в Москве праздника Дружбы народов. Оба политика не могли определиться, кто же будет принимать от участников «эстафеты мира» письмо к «руководителям страны». Спор на заседании Президиума ЦК КПСС сильно рассердил и обидел Брежнева и закончился тем, что «послание мира» на глазах у тысяч советских граждан (на стадионе им. Ленина в Лужниках) было публично передано Гришину¹⁸.

Праздники не были для генерального секретаря просто рутиной. 30 марта 1973 г. он с неподдельным возмущением критиковал нерасторопность подчиненных, вынудивших его «уйти в такой торжественный день, как 8 марта [на работу], сидеть до 12 часов ночи, разбираться с товарищами, ставить вопрос на Политбюро и т.д.»¹⁹. Нередко Брежнев пытался привнести в праздничный ритуал что-то свое. Так, 30 марта 1974 г. он обратился к Сулову с предложением «подумать над тем, чтобы 1 мая с трибуны Мавзолея не делать выступления (моего или других товарищей), а поступить так: в момент открытия демонстрации диктор (возможнр Левитан или кто другой) от имени Центрального комитета партии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР зачитает первомуаийское поздравление к трудящимся нашей Родины, после окончания чтения начать демонстрацию»²⁰. Дневники генсека пестрят короткими замечаниями о праздниках и юбилейных торжествах. В октябре 1974 г. он записал: «Посоветоваться в ПБ о праздновании 30-летия Победы над фашизмом. Как отметить 20-летие Варшавского договора», а 4 февраля 1982 г. отметил: «Провел Политбюро. Переговорил с т. Щербицким о 1500-тии г. Киева»²¹.

К концу 1970-х гг. Брежнев уже с большим трудом выдерживал многочасовое пребывание на трибуне Мавзолея: колоннам демонстрантов стали «отрезать хвосты», чтобы снизить число участников праздничного мероприятия на Красной площади и ускорить время начала банкета²². 7 ноября 1979 г. в рабочем блокноте Брежнева сделана

запись: «Участие на параде – Красная площадь. В 2 часа прием в честь участ[ников] парада. Мой тост – поздравление»²³.

Состав главных участников праздничных мероприятий, согласно партийной иерархии, был постоянным: на трибуне рядом с генсеком стояли члены Политбюро, за ними – кандидаты в члены Политбюро, дальше – секретари ЦК КПСС, и еще дальше – военачальники²⁴. Возможность изменения строго установленного порядка вызывала сомнения. Так, в конце октября 1977 г. Брежнев мучился вопросом: «можно ли пустить на трибуну – в день парада 7-го [ноября]» президента Финляндии Урхо Кекконена²⁵?

Еще одной важной составляющей советской ритуальности при Брежневе стали частые официальные посещения первым лицом государства республик и городов. Каждый такой визит обходился дорого и материально, и морально. Так, на подготовку посещения генеральным секретарем Новороссийска в мае 1974 г. различными организациями было отпущено около миллиона рублей, а жители «несколько месяцев находились в состоянии активного напряжения и ожидания... приезда»²⁶. В отличие от Хрущева, также много и охотно ездившего по стране, Брежнев привнес в эту практику определенную плановость и регулярность. Так, только в январе 1967 г. он выступил с докладом перед партийными активами в Донецке, Жданове, Горьком и Минске. В марте 1974 г., после 10-дневного пребывания в больнице, Брежнев посетил Пицунду, Сочи, Адлер, Сухуми, Алма-Ату. В то же время он довольно болезненно воспринимал поездки по стране своих близких соратников – членов Политбюро, особенно председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина. На одном из заседаний Политбюро генсек выступил с инициативой «ограничить» возможность их «свободного передвижения», предложив следующее: «Товарищи, нам надо порядок навести. Надо, чтобы Бюро знало, кто куда едет. Чтоб было решение Бюро. И предупреждать, что он там будет делать»²⁷. Несмотря на ряд возражений со стороны членов Политбюро, это предложение было принято.

Важное место в советской ритуальности отводилось мероприятиям с участием партийно-государственных элит: съездам, конференциям, пленумам и совещаниям различного рода. Неотъемлемым атрибутом проведения подобных мероприятий «на высшем уровне» были выступления генерального секретаря ЦК КПСС. «Спичрайтеры», составлявшие речи для Брежнева в его бытность председателем Президиума Верховного Совета СССР, всегда руководствовались его пожеланием: «Поскромнее, поскромнее, я не лидер, я не вождь»²⁸. После Октябрьского пленума 1964 г. Брежнев не только начал играть роль «вождя», но и стал считать себя главным оратором страны. Этой прерогативой он не собирался ни с кем делиться. Уже в преддверии подготовки XXIII съезда партии Брежнев предложил членам Президиума ЦК КПСС: «Я выступаю с докладом, вы все его читали, это наш общий отчет перед партией. Поэтому не надо вам выступать. Вот товарищ Косыгин может выступить о пятилетке, остальным не надо»²⁹. К началу подготовки основного доклада для XXIV съезда КПСС эта «просьба» превратилась в непререкаемое правило³⁰.

В.А. Голиков, проработавший более четверти века помощником Брежнева, весьма высоко отзывался об ораторских способностях своего шефа: «Надо сказать, у Брежнева было много хороших черт. Он нравился работникам аппарата – был корректным, голоса не повышал. Ну и выступал здорово. Это же Киров! – говорили работники ЦК между собой»³¹. Однако «Кировым», нужно признать, Леонид Ильич никогда не был, даже в свои лучшие годы, что доказывали его многочисленные многочасовые выступления. На трибунах партсъездов и пленумов, в радио- и телерепортажах он остался в памяти слушателей как весьма слабый оратор, выступавший с длинными и монотонными докладами. Его речи резко отличались от выступлений импульсивного Хрущева, способного моментально зарядить публику своей энергией, идеями и фантастическими прожектами³². Несмотря на глубокий и звучный голос, Брежнев подать себя не мог: говорил медленно, неправильно ставил ударения, «съедал» куски слов и т.д. Уши соотечественников, особенно москвичей и ленинградцев, резал южнорусский акцент. Некоторым слушателям, причем задолго до начавшихся у генерального секретаря проб-

лем со здоровьем, казалось, что он находится в «подвыпившем состоянии», а многие свидетели выступлений вождя отмечали у него явные дефекты речи³³.

Каждое слово, произнесенное первым лицом государства, должно было читаться, перечитываться и изучаться миллионами граждан³⁴. Вместе с тем, сам Брежнев не говорил афоризмами, о чем убедительно свидетельствуют дневниковые записи. Неудивительно, что речи для него писала целая команда специально подобранных «спичрайтеров», месяцами вынужденных сидеть на правительственных дачах и скрупулезно готовить тексты³⁵. Черняев, не раз привлекавшийся для составления брежневских речей, заметил по этому поводу следующее: «Так же, как в свое время одевали царя для появления перед народом, мы сейчас “одеваем” Брежнева текстом речи, которую он произнесет, не очень-то понимая, что там написано, ибо важно (с точки зрения государственной) прежде всего то, о чем газеты пишут многократно на все лады»³⁶.

Одним из главных этапов подготовки речей для Брежнева являлись «громкие», публичные «читки». Ответственные за отдельные разделы доклада зачитывали ему подготовленный текст, а Брежнев, по мере чтения, вносил в него необходимые поправки. В январе 1977 г. Черняев, непосредственно участвовавший в подготовке выступления Брежнева в Туле, так описал этот процесс: «На первых же страницах [текста], где говорилось о защите Тулы в 1941 г., Генеральный расплакался... По существу ничего не добавил... Для второго чтения мы сделали ударные места – для аплодисментов... Некоторые из них Брежнев перечитывал вслух, громко – так, как собирался произнести в Туле. И оглядывал нас, спрашивая: “Ударно получается? Да, я думаю, получается. Будут хлопать”»³⁷. «Ударные места», за которыми обязательно следовали «бурные аплодисменты зала», были очень важны для Брежнева. «Руководителю нужен авторитет, помогайте», – указывал он своим близким соратникам по партии³⁸. По словам члена Политбюро К.Т. Мазурова, Н.В. Подгорный в беседе с ним рассказывал, что Брежнев просил его «в нужных местах речи Генсека... вставать и поднимать таким образом зал, чтобы [он] аплодировал в нужных местах»³⁹.

В рабочем дневнике Брежнева за 1972 г. содержится весьма примечательная записка. 13 октября генсек лег на операцию, которую откладывал несколько месяцев, в том числе и из-за продолжительной поездки по Сибири и Казахстану, осуществленной в конце августа – начале сентября 1972 г. На следующий день операцию сделали, и последовали «10 мучительных дней без живой связи с товарищами: (хуже операции) облегчением была связь через прикрепленных. Очень поддерживали меня – приветы и пожелания товарищей, которые я получал по тому же каналу»⁴⁰. Если верить в искренность этих строк, а оснований полагать, что Брежнев писал их «для публики» нет, то генсек действительно не мыслил себя вне партийной и государственной жизни. Надо отдать ему должное – он добросовестно выполнял свои далеко не легкие «ритуальные» функции не только тогда, когда они доставляли ему удовольствие, но и тогда, когда прогрессирующая немощ делала их отправление все более мучительным, проявляя при этом немалое мужество. Наиболее известный эпизод связан с посещением авиационного завода в Ташкенте 23 марта 1982 г., когда на Брежнева и первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Ш.Р. Рашидова, а также на сопровождавших рухнули строительные леса сборочного цеха, не выдержавшие тяжести забравшихся на них рабочих. Пострадали несколько человек, в том числе и 76-летний Брежнев, у которого, кроме имевшихся ссадин, оказалась сломана ключица. На следующий день намечалось его выступление на торжественном заседании ЦК компартии и Верховного Совета Узбекской ССР. Врачи настаивали на возвращении в Москву, тем более что состояние здоровья генерального секретаря ухудшилось. Однако Брежнев, по свидетельству заместителя начальника его охраны В.Т. Медведева, ответил, что «чувствует себя вполне прилично, а возвращение домой вызовет в народе массу ненужных кривотолков»⁴¹. Сняв перед выступлением повязку, Леонид Ильич говорил около часа, преодолевая боль. 25 марта он вновь выступал на встрече с руководством республики, а после нее произнес поздравительную речь при вручении Рашидову ордена Октябрьской революции. «Если

раньше здоровье генерального постепенно, но неуклонно угасало, то после Ташкента оно просто рухнуло», – констатировал Медведев⁴².

Не преувеличивая, можно утверждать, что Брежнев в прямом смысле стал жертвой ритуалов, в первую очередь необходимости все время демонстрировать партии, правительству и народу свою дееспособность зачитыванием речей и появлениями на публике. Известно, что он не хотел делать доклад на Майском 1982 г. пленуме ЦК КПСС, посвященном Продовольственной программе, ссылаясь на физическое недомогание, но был вынужден уступить настояниям со стороны членов Политбюро. Символично, что окончательный удар по ослабевшему здоровью вождя нанесло длительное стояние на трибуне 7 ноября 1982 г.

Эпоха Брежнева знаменовалась ростом символических форм поведения и ритуальности в огромных масштабах. Из года в год общественную жизнь страны наполняли регулярные многочисленные официальные мероприятия – государственные праздники, съезды партии, комсомола и общественных организаций, посещения первыми лицами, в том числе генеральным секретарем, советских республик, их столиц и городов, юбилеи, награждения республик, городов и персон орденами, присвоение почетных званий и т.д. Не будет преувеличением утверждать, что и при И.В. Сталине ритуализация общественной жизни также приобрела экстремальный характер, но тогда архаику «ломали» репрессии, постоянные встряски и ротации кадров. При Брежневе исполнение политических ритуалов становится неотъемлемым залогом политического долголетия. Генеральному секретарю ЦК КПСС отводилась ключевая роль в отправлении главных ритуалов страны – чтение отчетного доклада на очередном съезде партии, публичное участие в выборах, «освящении» государственных праздников и прочих действий своим личным присутствием.

Брежнев всегда следовал сложившимся традициям и стереотипам, но именно в этой «правильности» и заключалась ошибка. Даже по сравнению со «славным десятилетием» Хрущева, облик реципиента государственной ритуальности серьезно изменился. Если в 1959 г. горожане в СССР составляли 47.9% населения, то в 1970 г. – 56.9%, а в 1981 г. – уже 63.4%. Неуклонно увеличивалась и доля образованного населения, в первую очередь интеллигенции, способного критически относиться к власти. Однако, несмотря на неприятие частью общества ритуалов, ставших для большинства народа обычной рутинной, архаичность власти сама по себе не была еще для нее фатальной. Ритуалы всегда предполагают определенную степень публичности, но границы последней в традиционном обществе (пусть даже обладающем ядерным оружием), и в обществе, находящемся на грани перехода от индустриального к постиндустриальному – совершенно разные вещи. К пониманию этого факта оказалась не готова ни властная элита, ни сам Брежнев.

В проекте записки Брежнева в Политбюро ЦК КПСС, датированной 6 июля 1968 г., партийный лидер делился с соратниками своими соображениями по «особо актуальным аспектам» деятельности КПСС. В частности, в ней говорилось: «Мы справедливо критикуем Сталина за его работы по языкознанию, вокруг которых был поднят такой шум в тот момент, когда перед страной стояло множество острых экономических и социальных проблем. Но есть у этого вопроса и другая сторона: будучи опытным деятелем, Сталин понимал, как важно все снова и снова овладевать воображением людей, их умами. Конечно, не стоит выдумывать для этого искусственные темы, но ведь у нас много реальных вопросов, к которым надо приковать внимание общественности»⁴³. В этих словах сквозит как неприкрытая зависть к Сталину, так и понимание необходимости для вождя «овладения» умами и воображением масс. Несомненно, что советская властная элита стремилась решить эту задачу во многом с помощью научно-технического прогресса, и в первую очередь – его самого популярного детища – телевидения.

Уже в 1920–1930-х гг. во всех развитых странах, в том числе и в СССР, стала формироваться новая массовая культура, которая в определенной степени размывала классовые границы и культуры отдельных страт общества. Самыми важными «демократизаторами» выступали иллюстрированные журналы, пластинки, кинематограф и радио.

«Новые средства коммуникации буквально перепрыгнули через границы между бедными и богатыми, протестантами и католиками, городом и деревней, рабочим классом и буржуазией, – писал немецкий историк Г. Винклер, изучавший этот процесс в Веймарской республике. – Новый шлягер насвистывала и секретарша, и ее шеф; кино шли смотреть люди всех классов и сословий; чарльстон танцевали в Берлине и в глубокой провинции. Массовая культура... означала еще один шаг демократизации: духовные богатства, бывшие ранее символом статуса “высшего сословия”, стали теперь доступными широчайшим слоям населения»⁴⁴. Телевидение в еще большей степени подорвало во всем мире основы строгой изоляции «власть имущих» от остального общества.

Когда В. Высоцкий в 1972 г. сочинил свою шуточную песню «Жертва телевидения»⁴⁵, он с прозорливостью гения описал эпохальное явление – триумфальное шествие изобретения эмигранта В.К. Зворыкина по необъятным просторам СССР: «Есть телевизор – подайте трибуну // Так проору – разнесется на мили! // Он – не окно – я в окно и не плюну, // Мне будто дверь в целый мир прорубили». На территории Советского Союза в «хрущевско-брежневскую» эпоху была создана одна из самых крупных в мире систем теле- и радиовещания, включавшая в себя 160 радиотелецентров, более 18 тыс. телевизионных передатчиков, 10 спутников и 500 тыс. км наземных линий связи. Она обеспечила почти полный охват населения двумя телевизионными и тремя радиoproграммами из Москвы (в 1957 г. был создан Госкомитет Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению, в 1965 г. переименованный в Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, с 1978 г. – Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию (Гостелерадио СССР)). Накануне распада Советского Союза в его системе работали около 90 тыс. человек⁴⁶. Именно при Брежневе «голубые экраны» засветились практически в каждой советской семье⁴⁷.

Возможности телевидения в области агитации и пропаганды были по достоинству оценены партийной элитой, в том числе и генсеком. Как вспоминал Н.Н. Месяцев, председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению, сверху поступило «указание о показе Л.И. Брежнева и других высших руководителей в соотношении 3:1, то есть генсека на экране должно быть втрое больше, чем остальных»⁴⁸. Ревниво следили и за крупностью планов»⁴⁹. Таким образом, если для Сталина основным средством репрезентации выступали портреты, фотографии и их многомиллионное тиражирование⁵⁰, то для Брежнева им стал телевизор. Именно телевидение расценивалось в 1970-х гг. советским руководством как самое массовое средство информации и пропаганды. О том, насколько далеко могла зайти «телевизионная эйфория», свидетельствует идея, рожденная в конце 1960-х гг. пропагандистским аппаратом Коммунистической партии Чехословакии. По свидетельству В.В. Егорова, одного из руководителей Гостелерадио СССР, чехословацкие товарищи предлагали заменить телевидением все формы политической агитации и пропаганды: «Зачем городить все эти политзанятия, когда товарищ Дубчек одним своим выступлением по телевидению охватит всю страну и поставит все главные задачи, а население получит информацию из первых рук?»⁵¹.

В 1970-х гг. Гостелерадио СССР стало одним из важнейших, а главное, высоко ценным Брежневым, институтов власти. О таком положении Комитета косвенно свидетельствует неформальный статус его руководителя С.Г. Лапина – одного из фаворитов Брежнева. Бывший журналист, посол в Вене и Пекине, а потом генеральный директор ТАСС, Лапин в апреле 1970 г. сменил на посту председателя Госкомитета по радиовещанию и телевидению Месяцева и бесценно занимал эту должность 15 лет. Лапин пользовался доверием генсека и мог при необходимости всегда получить к нему прямой доступ. Например, после того, как центральное телевидение организовало отдел военных программ, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В.Г. Куликов заявил, что работавших в отделе сотрудников следует мобилизовать, присвоив им офицерские звания, чтобы они могли активнее освещать жизнь армии. Об этом сообщили Лапину, тот позвонил маршалу и сказал: «Значит, ты считаешь, что пора руководство телевидением передать от ЦК КПСС Министерству обороны? При случае я расскажу

об этом твоём предложении Леониду Ильичу». После этого от Министерства обороны никакие предложения не поступали. Лапин мог себе позволить не только одернуть маршала или поставить на место секретаря обкома⁵², но и не боялся демонстрировать свое особенное место в иерархии власти даже секретарю ЦК КПСС по идеологии М.А. Суслову. В.В. Егоров свидетельствует: «Как-то Лапин при мне позвонил Брежневу и спросил, хорошо ли мы показали его накануне в программе “Время”. “Хорошо, все хорошо, Сергей”, – похвалил стареющий генсек. “Значит, у вас нет замечаний к телевидению?” – обобщил лукавый председатель. “Нет-нет”, – подтвердил Брежнев. Лапин тут же связался с Сусловым и заявил ему: “Я сейчас разговаривал с Леонидом Ильичем, он доволен работой телевидения и никаких замечаний у него нет”»⁵³.

В конце 1960-х – 1970-х гг. генсека почти ежедневно показывали по телевидению – в программе «Время»⁵⁴, репортажах и документальных фильмах. Следует отметить, что до появления серьезных проблем со здоровьем элегантен, прекрасно одетый, широко улыбающийся Брежнев выглядел на экране на редкость фотогенично и уверенно. Это отмечали даже такие критично мыслящие наблюдатели, как Черняев. Вот запись из его дневника, посвященная итогам визита советского лидера в США в середине июня 1973 г.: «По телевизору – заключительные сцены Брежнева в США. Доброжелательство, открытость и даже какая-то приятельская манера в общении с Никсоном, его женой, с сенаторами, деловыми кругами и т.д. Будто перечеркнул одним махом весь взаимный лай, продолжавшийся четверть века... Нужно было действительно большое политическое искусство, чтобы подвести нашу верхушку к согласию на такой поворот. И нужны были действительно огромное мужество, храбрость, чтобы этот поворот произвести с таким размахом, не половинчато, без мелочных оглядок на идеологию и т.п.»⁵⁵. Без сомнения, Брежневу с течением времени было очень трудно отказаться от тех позитивных эмоций, связанных с телевидением, которое он в свою очередь умело использовал в своих интересах. Играло свою роль и очевидное пристрастие Брежнева к телевидению. Широко известно, что в своей «телевизионной» комнате на даче в Завидове он традиционно смотрел «Время», «Клуб кинопутешественников» и сатирическую программу «Фитиль», с удовольствием «болел» по телевизору за хоккей и футбол, в то время как фигурное катание было увлечением Виктории Петровны, жены генсека⁵⁶.

Между тем развитие телевидения в СССР совпало со старением генсека. 31 декабря 1972 г. Черняев отметил в дневнике: «Арбатов говорит: “Мы ему (Брежневу. – В.Д., А.С.) все время советуем поменьше фигурировать перед телевизором. Да и не только ему пора воздерживаться. Ведь его дряхление всем заметно, бросается в глаза”. Спустился год, записывая впечатления от визита Брежнева в Индию, Черняев констатировал: «Лидер же выглядит совершенно смешным с этой своей страстью к многопубличному говорению при ужасающем косноязычии и бормотании самых простых слов. А уж с индийскими именами полный конфуз. Нелепость всего этого настолько общепризнанна, что, не стесняясь, самые разные люди говорят об этом на улице, в троллейбусах, везде. Хрущев по этой части давно “превзойден”». Из года в год Черняев фиксировал в своих записях то впечатление, которое производило на большинство советских телезрителей «косноязычное фигуряние» первого лица. 2 марта 1975 г.: «По телевизору – на приеме в честь Вильсона⁵⁷ – Брежнев выглядел очень “неорганизованно”, было такое впечатление, что он сам не понимает, что говорит, и сил хватает, чтоб только кое-как произнести написанный крупными буквами текст». 1 января 1977 г.: «На фоне продолжавшегося около месяца фестиваля награждений 70-летнего Генерального не было, думаю, человека – от простого работника до рафинированного интеллигента и даже аппаратчика, – который бы, глядя на это каждый день по телевизору, не удивлялся, не возмущался, не издевался бы над собой и властями, не смеялся бы»⁵⁸.

Уже в те годы становилось очевидно, что необходимо прекратить или резко ограничить «телевизионный» способ репрезентации первого лица государства⁵⁹. 18 июня 1977 г. Черняев писал: «Неужели само чувство самоуважения (самосохранения) не подсказывает, что закрытость таких органов, как пленум ЦК, заседание Совмина, Президиума Верховного Совета, позволяют удерживать в головах народа хотя бы мифологию

власти? Пусть, мол, они там думают, что хоть тут-то идет деловой разговор, а не треп и аллилуйя! Неужели даже этого уже не понимают? Неужели КГБ не может доложить, что по стране идет гомерический хохот и стынет полное безразличие ко всем этим театральным зрелищам, которые заменяют реальное управление и демонстрируют полное бессилие главного действующего лица. А может, циничный и хамоватый Лапин и его телевизионщики сознательно выставляют его на посмешище?»⁶⁰.

Однако проблема была здесь гораздо глубже, чем просто слабоволие и нежелание генерального секретаря прекратить «фигурять» по телевизору. Заняв практически пожизненно пост главы государства, фактически не имевшего механизмов легальной смены власти, кроме как смерти предшественника, Брежнев попал в заколдованный круг. От него требовалось непосредственное участие в ритуалах власти, а интересы пропаганды предполагали их возможно более широкую демонстрацию по телевидению. Ян Плампер установил, что каждое новое, «неканоническое» изображение Сталина перед обнародованием подлежало его личному утверждению или на это требовалась санкция аппарата ЦК. Телевидение каждый день размножало брежневский образ миллионными тиражами, то есть в таких масштабах, которые и не снились «вождю народов»⁶¹.

6 ноября 1982 г., за четыре дня до своей смерти, Брежнев лично наградил Лапина орденом Ленина и вручил ему звезду Героя Социалистического Труда. Если верить Егорову, то в этот момент награды выскользнули из рук генсека и упали на пол. Лапин опустился на колено, поднял коробочки и произнес: «Ничего, Леонид Ильич, наши ребята это вырежут из пленки»⁶². «Ребята» могли многое «вырезать» из пленки⁶³, но они уже никак не могли «вырезать» укоренившийся в народе образ немощного «кремлевского старца». Брежнев оказался слишком публичным политиком для советской политической системы, это предопределило как его успех, так и его поражение. Телевидение, даже подобострастное и цензурируемое, нарушало правило отстраненности и чужеродности верховной власти в России как залога сохранения сакральности ее образа в глазах народа⁶⁴.

Не случайно уже Ю.В. Андропов полностью отказался от публичности, совершенно закрыв от общества информацию о своем здоровье. В итоге главная роль репрезентации власти вновь была возложена на портреты и газеты, а в глазах народа серьезно больной и практически ослепший Андропов вплоть до своей кончины выглядел вполне здоровым и дееспособным политическим лидером.

Исследование образа Брежнева было бы далеко неполным, если бы не были затронуты, хотя бы коротко, еще три темы: брежневской любви к наградам, «брежневского» поцелуя и «брежневского» анекдота. Брежневская страсть к наградам и прочим знакам отличия выступает притчей во языцех, о которой писали много раз. Уже первые брежневские историографы отмечали его относительно скромную военную биографию⁶⁵. Как известно, в 1941 г. Брежнев получил звание бригадного комиссара (промежуточное между полковником и генерал-майором), провоевал до 1943 г. на «несчастливом» Южном фронте и закончил войну генерал-майором. Р. Медведев отмечал: «Его “забывали” не только по части новых назначений и чинов, но и по части наград... и это больно задевало его самолюбие»⁶⁶. Возможно, именно ущемленное брежневское самолюбие и стало причиной гипертрофированной страсти генерального секретаря к коллекционированию наград. Однако следует понимать и другое: награждение орденами, медалями и т.п. являлось неотъемлемой частью сложившейся системы советских ритуалов, отвечая, с одной стороны, требованию героизации мирного послевоенного бытия, с другой, – выступая средством поощрения и дифференциации советских элит. «Был только один дозволенный способ как-то заявить о себе, проявить исключительность или значимость, – вспоминала главный редактор советского «Журнала мод» Л. Орлова, – надеть свои награды, ордена и медали, они – и только они! – свидетельствовали о положении человека в обществе, о достижениях в профессии и даже патриотизме. Ордена и медали были главным украшением костюма как мужского, так и женского»⁶⁷.

Будучи фактически единственным участником войны среди членов Политбюро, который провел на театре боевых действий все четыре года, Брежнев, возможно, дейс-

твительно чувствовал себя достойным пролившегося на него дождя наград, включая орден Победы. Однако он также придавал большое значение награждениям трудящихся, видя в них «глубокий по смыслу политический акт нашей партии и государства»⁶⁸. Так, 20 октября 1972 г., находясь в больнице, генеральный секретарь направил в Политбюро ЦК КПСС записку о награждении комбайнеров, трактористов, шоферов и работников заготовительных пунктов Сибири и Казахстана, отличившихся в ходе уборки урожая. В частности, предлагалось: «Не представляя к награждению работников других категорий, наградить только рабочий класс». Этим Брежнев стремился подчеркнуть именно роль рядовых работников «в битве за урожай». Спустя десять дней он дополнительно предложил наградить около 100–120 тыс. животноводов, а в начале ноября – еще 15–20 тыс. хлопкоробов⁶⁹. По результатам уборки урожая 22 октября 1973 г. Брежнев предложил Политбюро ЦК КПСС наградить уже около 250 тыс. человек⁷⁰.

Не скупясь на награды для рабочих и колхозников, генсек как *primus inter pares* не забывал и о партийно-государственных элитах. К примеру, 1 апреля 1973 г. он обратился с запиской в Политбюро ЦК КПСС об «имеющихся недостатках в практике поощрения людей, удостоенных звания дважды Героя Советского Союза и дважды Героя Социалистического Труда». В записке Брежнев потребовал устранить несправедливость в отношении тех дважды Героев, которым не был установлен бронзовый бюст на родине награжденного вследствие «имевшего в недалеком прошлом субъективизма»⁷¹. В своих рабочих записках, особенно ближе к концу жизни, Брежнев скрупулезно фиксирует факты награждения своего ближайшего окружения и свои собственные награды. Вот лишь несколько записей из его дневника за 1982 г.: «25 февраля 1982 г. Провел награждение тов. Кунаева Д.А. 3-й звездой»; «9 марта 1982 г. Замятин Леонид Митр. – 60 лет награжден орденом Ленина»; «17 марта – Принял золотую медаль Всемирного Союза»; «18 марта – Принял награду от Лаосца», «26 мая – Поздравил Яноша Кадара с днем семидесятилетия и награжд[ением] ор[деном] Ленина»; «31-ое Мая Понедельник. Провел Президиум Верховного Совета. Вручил там же ордена награжденным»; «2-ое Июня. Среда. Провел переговоры с Чехословацкой делегацией во главе с тов. Гусаком. Присутствовал, когда награждался т. Черненко»; «8 июня Муравьев Е.Ф. благодар[ил] за нагр[аждение] [Куйбышевской] области [орденом] Ленина»⁷².

С награждениями самого генерального секретаря дело доходило до абсурда. Соответствующее решение всегда принималось Политбюро ЦК КПСС, которое в том числе определяло, принимать или не принимать Брежневу очередной иностранный орден. Так, 6 ноября 1981 г. Политбюро дало свое согласие на награждение Леонида Ильича высшим орденом Демократической республики Афганистан (ДРА). Курьез заключался в том, что сам орден еще предстояло изготовить, и Политбюро постановило: «Поручить аппарату Президиума Верховного Совета СССР организовать изготовление в СССР некоторого количества высшего ордена ДРА “Солнце Свободы”... в соответствии с просьбой афганской стороны и по подготовленным ей эскизам»⁷³. Можно предположить, что в последние годы жизни Брежнева ритуалы, в том числе награждения, все больше и больше подменяли собой реальную политическую деятельность, одновременно создавая видимость благополучного «золотого века».

Следует напомнить, что в то время широко награждали не только людей, но и города. Например, 13 сентября 1973 г. Брежнев лично вместе с министром обороны СССР А.А. Гречко обратился с запиской в ЦК КПСС с просьбой «рассмотреть вопрос о присвоении городам Новороссийск и Керчь почетного звания “Город-герой”»⁷⁴. В общей сложности, с 1945 г. по 1985 г. это звание было присвоено 12 городам СССР, семь из них получили его именно в брежневский период.

Еще одной неотъемлемой частью образа генерального секретаря ЦК КПСС стало несколько аффектированное выражение своих эмоций, в частности поцелуи. В записках, сделанных Брежневым 13–14 октября 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС и представляющих из себя набор обвинений в адрес Хрущева, есть и такая: «Я работал в През[идиуме] 4 года 4 месяца, что Вы обещали и что я получил – ни разу Вы не спросили меня о работе. Кроме как ругали, что я поцелов[ался] с Кеконен»⁷⁵. Брежнев

встречался с президентом У. Кекконеном во время своего визита в Финляндию 22–30 сентября 1961 г., очевидно именно тогда и имел место поцелуй, вызвавший недовольство Хрущева⁷⁶. После ухода последнего на пенсию уже не было человека, который мог бы помешать Брежневу проявлять свои симпатии таким образом. «Брежневский поцелуй» вошел в историю и культуру, он запечатлен на остатках Берлинской стены⁷⁷, с ним боролись депутаты грузинского парламента⁷⁸. Американский журналист Д. Дорнберг, написавший в 1973 г. одну из первых биографий Брежнева, отмечал: «Своих гостей... он обнимает с воодушевлением, до хруста ребер, целует их, как правило, в самые губы, не обращая внимания, мужчина перед ним или женщина; ни один из членов Политбюро не может так целоваться, как Брежнев»⁷⁹.

Вместе с тем необходимо признать, что склонность генсека к поцелуям стала еще одним из проявлений открытости и простоты его человеческой природы, столь необычной для прочих кремлевских вождей. Судя по кадрам хроники и воспоминаниям, Брежнев именно с помощью тактильного контакта пытался в первую очередь выразить свое расположение людям, вызвавшим у него дружеские чувства. В июне 1973 г. на аэродроме в Сан-Клементе (Калифорния), откуда он должен был вылететь в Москву после приема, данного президентом США Р. Никсоном в честь советского лидера в Западном Белом доме, Брежнев неожиданно увидел среди провожавших своего кумира, американского актера Ч. Коннора, игравшего главную роль в его любимом вестерне «Стрелок». Брежнев бегом бросился обнимать киноактера, специально смешно подпрыгивая и повисая на шее почти двухметрового гиганта⁸⁰. Он мог доверительно хлопнуть канцлера ФРГ В. Брандта по плечу как своего старого друга, обменяться тесным рукопожатием с журналистом, целовать руки понравившимся ему дамам, с чувством обнимать не только своих друзей и коллег, но и обыкновенных советских граждан⁸¹. Но то, что было хорошо в личном человеческом общении, все смешнее и нелепее выглядело на экранах телевизоров. 20 июня 1977 г. Черняев записал в своем дневнике: «Эйфория продолжается. Телевизор – отлет в Париж, прилет в Париж. Поцелуи во Внуково – с одними – да, с другими, рангом ниже, – нет. А одно время они начали было выходить из практики протокола»⁸².

Брежнев был осведомлен о негативной реакции населения на его специфическую манеру общения. Сохранилась резолюция генсека на письме жителя г. Кохмы Ивановской обл. В.Е. Кашникова от 5 января 1973 г., в котором тот критиковал «целование официальных высокопоставленных и других лиц». 28 февраля 1973 г. Брежнев надписал на письме: «Вполне согласен. Найду форму – изменить эту практику»⁸³. Но как известно, «практика» оказалась сильнее вождя.

Народ реагировал на страстные публичные поцелуи пожилых мужчин анекдотами, но если при Сталине «за анекдот» можно было оказаться в лагере, то при Брежневе ситуация кардинально изменилась. Западные журналисты и политики пишут о том, что Брежнев сам был не против рассказать легкий антисоветский анекдот, что отвечало наклонностям его доморощенной артистической природы⁸⁴. На одной из встреч с советскими карикатуристами генсек как-то заявил: «Я, между прочим, в юности такими рисуночками баловался. Вам бы показать – такой бы тут хохот стоял»⁸⁵. По свидетельству члена Политбюро ЦК КПСС Н.В. Подгорного, Брежнев прекрасно знал рассказываемые про него анекдоты, в том числе анекдот об операции по расширению груди у генсека для новых наград, отшучиваясь: «Если рассказывают – значит любят меня»⁸⁶. В.Т. Медведев вспоминал: «Сплетен – не любил, а анекдоты о себе, более-менее мягкие, которые мог слышать только от родных и близких, переносил вполне нормально»⁸⁷. Следствием такой либеральности стало хождение о нем огромного количества анекдотов⁸⁸.

Если попытаться проанализировать «брежневские» анекдоты, то можно выявить, что цель их состояла не в том, чтобы «расшифровать», сделать понятным событийный код происходящего, как это часто было свойственно народному анекдоту 1920–1930-х гг., пытавшегося осмыслить ломку привычного, устоявшегося образа жизни⁸⁹. Сюжеты большинства шуток о Брежневе построены на грубом каламбуре, и это отнюдь не

случайно – каламбур «демократичен», понятен любому слою населения. Народ в анекдотах гораздо умнее своего вождя, «своего парня», и ему это нравится. Характерно, что в ряду наиболее известных «брежневских» анекдотов зло обыгрываются дефекты чтения первым лицом всевозможных докладов. Здесь судьба сыграла с Брежневым неприятную шутку – никогда не любивший читать и воспринимавший большинство документов на слух⁹⁰, в конце жизни он был вынужден именно в ходе бесконечного невнятного «шамкающего» чтения отправлять властные ритуалы на съездах и тому подобным сборищах.

«Карнавальность» награждений и поцелуев, съездов и визитов, воспринимавшихся как пародия на «нормальную» жизнь государства, осмысливалась народом в том числе в смехе шуток и анекдотов, с их вольномыслием и свободой от советского догматизма. Поэтому трудно переоценить роль «брежневских» награждений, «брежневских» поцелуев и «брежневского» анекдота в десакрализации представлений о вожде в частности, и о брежневской власти – в целом.

В 1924 г. В. Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» написал свои знаменитые строки, посвященные усопшему вождю: «Нет//Сегодня//настоящей болью//сердце холодей!//Мы//хороним//самого земного//изо всех//прошедших//по земле людей». В ноябре 1982 г. их можно было бы с полным правом переадресовать Леониду Брежневу. Его трагедия как советского политика заключалась в том, что он действительно оказался самым «земным» из всех вождей коммунистической партии и Советского Союза, утратив ту необходимую дистанцию, которая традиционно отделяла в России монарха или вождя от остального общества. Брежнев стал самым публичным из советских политиков, причем в западном смысле этого слова. При нем конспиративность по-прежнему продолжала выступать одной из сущностных черт коммунистической власти. В этом отношении практически ничего не изменилось, за исключением одного: способа репрезентации первого лица в иерархии власти. Не будет преувеличением утверждать, что именно телевидение стало причиной полной и окончательной десакрализации «брежневской» власти. Причем само телевидение было не больше и не меньше как неправильно использованным инструментом научно-технического прогресса: фиксируя и тиражируя ритуалы власти, оно одновременно запечатлевало дряхлого больного вождя, донося этот образ в каждый дом и каждую советскую семью. Именно «телевизионная» публичность ритуалов высшего партийно-государственного слоя заложила одну из самых мощных мин в фундамент власти КПСС. «Политическая» жизнь Брежнева могла бы длиться и длиться, если бы он не был столь публичен и по-человечески понятен. Одна из ключевых ошибок Брежнева и его окружения заключалась в неумении приспособить традиционные механизмы репрезентации власти, выработанные при Ленине–Сталине–Хрущеве, к ситуации информационного века.

Примечания

¹ Медведев Р. Фарс с примесью трагедии // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. М., 1991. С. 122–124.

² Методы исторической антропологии в последние годы успешно применяются зарубежными и отечественными историками для изучения природы власти в России и Советском Союзе, практик ее легитимации и саморепрезентации, ее ритуалов и символики (см., например: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1–2. М., 2004 (обсуждение российскими историками исследования Р. Уортмана см.: Новое литературное обозрение. 2002. № 56); Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; он же. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010).

³ Рабочие записи Л.И. Брежнева хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 80, оп. 1, д. 974, 975, 977–990. Отдельные листы записей также включены в состав других дел личного фонда Брежнева. Частично данный исторический источник впервые введен в научный оборот Д.А. Волкогоновым (*Волкогонов Д. Семь вождей. Галерея*

лидеров СССР в двух книгах. Кн. 2. М., 1996. С. 90–93). Незначительная часть дневниковых записей опубликована А. Хинштейном в беллетризованной биографии Брежнева (*Хинштейн А. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным*. М., 2011). Академическое многотомное издание дневников Брежнева в настоящее время готовится Германским историческим институтом в Москве совместно с РГАНИ. Настоящая статья подготовлена в рамках данного издательского проекта.

⁴ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. 1964–1982. М., 2006.

⁵ Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008.

⁶ См., например: *Goehrke C. Russischer Alltag: eine Geschichte in neun Zeitbildern*. Bd. 3: Sowjetische Moderne und Unbruch. Zürich, 2005. S. 176–180; *Rolf M. «Feste des roten Kalenders»: der Große Umbruch und die sowjetische Ordnung der Zeit*. In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* (2001). Н. 1. S. 101–118; *Hedeler W. Chronik der Moskauer Schauprozesse 1936, 1937 und 1938: Planung, Inszenierung und Wirkung*. Berlin, 2003; *Erren L. «Selbstkritik» und Schuldbekentnis. Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917–1953)*. München, 2008.

⁷ См., например: *Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. СПб., 1993. С. 12.

⁸ Советские праздники, в первую очередь сталинской эпохи, неоднократно становились предметом исторического исследования (См.: *Rolf M. Das Sowjetische Massenfest*. Hamburg, 2006. В переводе на русский: *Рольф М. Советские массовые праздники*. М., 2009).

⁹ *Rolf M. Das Sowjetische Massenfest*. S. 342.

¹⁰ Особенно переживал появление в календаре еще одного выходного дня председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, подсчитавший, что данная инициатива Брежнева обернется для экономики страны потерей «семидесяти восьми миллионов рабочих смен» (*Александров В. Кронпринцы в роли оруженосцев*. М., 2005. С. 230–234).

¹¹ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 116–118. В рабочем дневнике Брежнева за ноябрь 1972 г. (без указания точной даты) содержится короткая надпись: «О дне празднования – образ. Союза ССР» (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 231, л. 83–83 об. Ср. также: *Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади*. М., 1998. С. 268–269).

¹² Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 180. По словам Черняева, участвовавшего в дискуссии Брежнева с его близким окружением по вопросу подготовки Олимпиады, генсек заявил в декабре 1975 г.: «Какой это дурак предложил устраивать ее в 1980 г. в Москве? Это же глупость! Угрожаем кучу денег, а зачем это нам?.. Кроме нескольких антисоветских скандалов мы ничего от этой Олимпиады иметь не будем... Надо выбрать удобный момент, подготовиться пропагандистски, но отменить эту Олимпиаду у нас обязательно» (*Черняев А.С. Указ. соч. С. 201. Ср.: Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 268*). Проблема проведения Олимпиады в Москве волновала Брежнева и в последующие годы. 6 декабря 1977 г. он отметил в своем рабочем дневнике: «Переговорил с Новиковым И.Т. – по Олимпиаде» (см.: РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 986).

¹³ Еще в преддверии празднования 50-летия свершения Октябрьской революции (апрель 1967 г., без указания точной даты), Брежнев выделил в своем дневнике: «Рассмотреть вопрос... О Гимне Сов. Союза. О Параде на Октябрьский праздник. О премии Нобелевск[ой] – как она родилась [?] Нельзя ли сделать нашу высокую премию – [в] честь 50-летия [?] О монументе в честь 50-летия» (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 980, л. 91–102 об.).

¹⁴ 13 февраля 1969 г. Брежнев лично беседовал с С.В. Михалковым по вопросу подготовки (переработки) текста гимна СССР (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 981, л. 64 об–105).

¹⁵ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 185.

¹⁶ 12–13 октября 1964 г. космонавты В.М. Комаров, К.П. Феоктистов, Б.Б. Егоров на корабле «Восход» совершили 16 оборотов вокруг Земли. Космонавты стартовали при Хрущеве, а докладывали о результатах своего полета Брежневу, т.к. Хрущев уже был смещен с должности.

¹⁷ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 978, л. 31–45. Ср.: *Chruschtschow S. Nikita Chruschtschow. Marionette des KGB oder Vater der Perestroika*. München, 1991. S. 210–212. Текст, выделенный курсивом, в оригинале подчеркнут Брежневым.

¹⁸ *Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина*. Мемуары. М., 1996. С. 39–40.

¹⁹ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 133.

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 989, л. 118–188 об.

²² *Медведев В.* Человек за спиной. М., 1994. С. 66.

²³ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 986, л. 27 об. – 55 об.

²⁴ *Медведев В.* Указ. соч. С. 63.

²⁵ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 986, л. 36–94.

²⁶ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 168.

²⁷ *Мазуров К.* «Главной заботой Брежнева был личный авторитет // Л.И. Брежнев: материалы к биографии. М., 1991. С. 206.

²⁸ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 282.

²⁹ *Мазуров К.* Указ. соч. С. 205.

³⁰ Там же.

³¹ *Болдин В., Голиков В.* Генсек Брежнев // «Завтра». 2002. 26 ноября. № 48(471).

³² Ср.: Интервью переводчика В. Суходрева на радио «Эхо Москвы» в передаче «Дорогой наш Никита Сергеевич» (19.07.2010) // <http://www.newsland.ru/news/detail/id/534856/>

³³ *Dornberg J.* Breschnew. Profil des Herrschers im Kreml. München, 1973. S. 15.

³⁴ По словам А.Е. Бовина, много лет находившегося в числе авторов речей генсека, Брежнев прекрасно понимал всю важность своих выступлений и даже шутил по этому поводу: «Кричите-кричите, а я выйду на трибуну, скажу, и это станет цитатой» (*Бовин А.* XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 258).

³⁵ О работе советских «спичрайтеров» см. более подробно: *Бурлацкий Ф.М.* Указ. соч.; *Брутенц К.Н.* Указ. соч.; *Александров В.* Указ. соч.; и др.

³⁶ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 259–260.

³⁷ Там же.

³⁸ *Мазуров К.* Указ. соч. С. 205.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 983, л. 32–51.

⁴¹ *Медведев В.* Указ. соч. С. 169. Следует отметить, что в рабочих дневниках Брежнева за 1982 г. имеется перерыв в записях с 18 марта по 3 мая.

⁴² Там же.

⁴³ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 75.

⁴⁴ *Winkler H.* Weimar 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: Beck, 1993. S. 296.

⁴⁵ Цит. по: *Высоцкий В.* На Большом Каретном. М., 2009. С. 221–222.

⁴⁶ См., например: *Голядкин Н.А.* История отечественного и зарубежного телевидения. М., 2004. С. 99–100.

⁴⁷ Традицию новогодних телеобращений к народу также создал Брежнев, впервые выступив с поздравлением граждан СССР 31 декабря 1970 г.

⁴⁸ Необходимо отметить, что и Н.С. Хрущев, чьи снимки появлялись практически ежедневно в каждой центральной газете, весьма болезненно относился к размещению в печати фотографий своих подчиненных. «Как-то “Известия” опубликовали статью Л.И. Брежнева на целую полосу с его портретом посередине, – вспоминал Мэлор Стура, советский журналист-международник. – Номер со статей и фото попался на глаза Никите Сергеевичу Хрущеву, который в присущем ему стиле дал автору нагоняй “за нескромность”». Брежнев постарался не повторять таких ошибок. Так, в опубликованном в газете «Известия» фоторепортаже (25.09.1963 г.) о ратификации Президиумом Верховного Совета СССР Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, «главное действующее лицо – председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев – оказалось на самом заднем плане и выглядело по размерам слегка больше головки канцелярской булавки. Рассмотреть его можно было лишь в мощную лупу. Члены Президиума, фигурировавшие на первом плане, казались по сравнению с ним почти что голиафами» (*Стура М.* Две фотографии к одному портрету // Л.И. Брежнев: материалы к биографии. С. 167–168).

⁴⁹ *Месяцев Н.* «Генсека на экране должно быть втрое больше». Из интервью журналисту Г. Кузнецову // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. С. 213. Пост председателя Госкомитета Н.Н. Месяцев занимал с октября 1964 г. по май 1970 г.

⁵⁰ Я. Плампер пишет: «И хотя мы будем обращаться к кино, фольклору и поэзии, в центре нашего внимания в первую очередь окажутся портреты Сталина, выполненные маслом на холсте. Все виды искусства участвовали в непрестанном соревновании за право считаться главным

видом, и ключевые образы Сталина – такие, как Сталин – государственный деятель, главнокомандующий, корифей науки – впервые формулировались при своем воплощении в этом самом главном виде искусства, а впоследствии канонизировались и воспроизводились в прочих. На вершине иерархии сначала находилась живопись маслом и фотография – до тех пор, пока во второй половине 1930-х годов они не уступили место кинематографу: фильм Михаила Ромма “Ленин в Октябре”, вышедший в 1937 г., был первым, в котором присутствовала роль Сталина, и с того момента кино прочно закрепилось в роли главного вида искусства» (*Плампер Я.* Указ. соч. С. 8).

⁵¹ *Егоров В.В.* Телевидение: страницы истории. М., 2004. С. 23.

⁵² В начале 1980-х гг. один из секретарей Ивановского обкома КПСС потребовал широко показать по центральному телевидению открытие бюста Брежнева в Иванове. Лапин позвонил Брежневу и сказал ему что-то вроде того, что «услужливый дурак опаснее врага». После разговора с Брежневым Лапин от своего имени отчитал ретивого секретаря (Там же. С. 49–50, 66).

⁵³ Там же. С. 68.

⁵⁴ Самая любимая Брежневым новостная передача советского телевидения выходила в эфир с 1 января 1968 г.

⁵⁵ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 59–60.

⁵⁶ *Медведев В.* Указ. соч. С. 47–48.

⁵⁷ Речь идет о премьер-министре Великобритании Гарольде Вильсоне.

⁵⁸ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 256.

⁵⁹ Думали об этом и самые близкие люди Брежнева. В.Т. Медведев в своих воспоминаниях пишет о том, что жена Брежнева, Виктория Петровна, неоднократно, особенно после телевизионных трансляций с его участием, начинала разговор о необходимости уйти на пенсию, на что муж традиционно отвечал: «Не отпускают» (*Медведев В.* Указ. соч. С. 164).

⁶⁰ *Черняев А.С.* Указ. соч. С. 285.

⁶¹ *Плампер Я.* Указ. соч. С. 61–62, 198–205.

⁶² *Егоров В.В.* Указ. соч. С. 68.

⁶³ О практике «корректировки» телевизионщиками публичных речей Брежнева упоминает в своем дневнике и Черняев, описывая выступление генсека на XVI Всесоюзном съезде профсоюзов (март 1977 г.): «Вечером по телевизору, в программе “Время”, пленка была здорово поправлена. Наиболее нелепые косноязычные слова и фразы вообще исчезли... Вся тональность произнесения была приличнее, чем на самом деле. Чудо “техники”!» (*Черняев А.С.* Указ. соч. С. 267).

⁶⁴ См.: *Уортман Р.* Указ. соч.

⁶⁵ См.: *Morozow M.* Leonid Breschnew. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1973. S. 35–65.

⁶⁶ *Медведев Р.* Во втором эшелоне // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. С. 15.

⁶⁷ См.: *Юшкова А.* Александр Игманд: «Я одевал Брежнева...». М., 2008. С. 6.

⁶⁸ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 140.

⁶⁹ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 106–107, 109, 114.

⁷⁰ Там же, л. 173–174.

⁷¹ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 140–141.

⁷² РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 989, л. 118–188 об.

⁷³ Там же, д. 1213, л. 2.

⁷⁴ Вестник Архива Президента. Специальное издание. Генеральный секретарь Л.И. Брежнев. С. 150–154.

⁷⁵ РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 132, л. 12.

⁷⁶ Ср.: *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 120.

⁷⁷ Имеется ввиду картина художника Д. Врубеля «Господи, помоги мне выжить среди этой смертной любви» («Братский поцелуй»), на которой изображается поцелуй Брежнева и Генерального секретаря СЕПГ, председателя Госсовета ГДР Э. Хонеккера, написанная на основе фотографии Б. Клемм, на которой два политических лидера целуются по случаю празднования 30-летия ГДР. Картина стала одним из символов нового Берлина.

⁷⁸ В ноябре 2010 г. вице-спикер парламента Грузии М. Мачавариани призвал депутатов прекратить «брежневскую традицию поцелуев» при встрече. В свою очередь, депутат российской Государственной думы А. Хинштейн отметил следующее: «Мода на мужские объятия и дружеские поцелуи, некогда высмеиваемая критиками застоя, вновь вошла в наше общество. По утрам прихожу в зал заседаний Госдумы, только и слышно со всех сторон: чмок-чмок-чмок» (*Хинштейн А.* Указ. соч. С. 279–280).

⁷⁹ Dornberg J. Op. cit. S. 16.

⁸⁰ Медведев Р. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. Кн. 1. М., 1991. С. 305; Dornberg J. Op. cit. S. 24–25.

⁸¹ См., например: Dornberg J. Op. cit. S. 24–25.

⁸² Черняев А.С. Указ. соч. С. 286.

⁸³ РГАНИ, ф, 80, оп. 1, д. 1147, л. 96.

⁸⁴ Dornberg J. Op. cit. S. 15–16.

⁸⁵ Цит. по: Ватлин А.Ю., Малащенко Л.Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007. С. 4.

⁸⁶ См., например: Шелест П. «Он умел вести аппаратные игры, а страну забросил». Из беседы с Ю. Аксютиным // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии. С. 218.

⁸⁷ Медведев В. Указ. соч. С. 87.

⁸⁸ Подробнее см.: Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002.

⁸⁹ К примеру, в сочиненном сибирскими крестьянами анекдоте дается народная версия причины появления знаменитой сталинской статьи «Головокружение от успехов»: «Заспорили Сталин и Ворошилов о коллективизации. Ворошилов говорит – надо распускать колхозы, а Сталин – ну ни в какую. Тогда выхватил Ворошилов наган и бац – стреляет в голову Сталина. Но ведь Сталин – Антихрист, ничего ему не стало, только голова закружилась, сел и статью написал». Поразительно, что про Брежнева был сочинен похожий анекдот, но с совершенно другим контекстом: «Сообщение ТАСС: “Сегодня было совершено покушение на Леонида Ильича Брежнева. Пуля попала в шофера и убила его. Леонид Ильич не пострадал”. Сообщение Рейтер: “Сегодня было совершено покушение на советского лидера Брежнева. Пуля попала ему в лоб, срикошетила и убила шофера. Брежнев не пострадал”». Лбы обоих вождей оказались неуязвимы для пуль, но по разным причинам.

⁹⁰ См.: Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 291; Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 115–116.

© 2012 г. Р.С. КОЛОКОЛЬЧИКОВА*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)

Индустриальные города – самая многочисленная типологическая группа городских поселений на Европейском Севере России, сформировавшаяся в ходе индустриализации. Одни населенные пункты, возникшие прежде, получив с промышленным строительством импульс градообразовательным процессам, переживали «второе рождение» (Сегежа, Мончегорск, Череповец), другие – вблизи которых возводились крупные народно-хозяйственные объекты, выросли до статуса индустриальных городов (Новодвинск, Коряжма, Апатиты), а Костомуксу в связи со строительством горно-обогатительного комбината построили «с нуля». Для городов региона, возникших как побочный продукт промышленного строительства, изначально было характерно экологическое неблагополучие. Однако их воздействие на окружающую природную среду приобрело критические формы именно во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг., когда они стали крупнейшими в стране центрами черной и цветной метал-

* Колокольчикова Римма Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент Череповецкого государственного университета.

Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. ГК П 360.